

ГЛАВА 1

УПАЛО И... РАЗБИЛОСЬ

Всё началось с самой обычной драки. Юрик Огурцов написал на доске: «Старый конь — прид...» Закончить он не успел, но вряд ли это было слово «придёт». Миха Староконь сразу это понял и рванул навалить Огурцу, устилая путь сброшенными с парт учебниками.

Чтобы вы понимали, Конь — жуткий человек, и Огурец был обречён. Миха просто впечатал Юрика в доску так, что за стеной, в учительской подсобке, она же лаборатория, что-то упало. И разбилось, судя по звуку. Это был очень зловещий звук, потому что на днях привезли новые экспонаты для кабинета биологии. Рассказывали про разные штуки в формалине, но, что конкретно украсит наши полки, никто не знал. Все ждали «лёгкие курильщика» или «печень алкоголика», как на выставках «Мир тела»,

или ещё лучше — уродцев, как в Кунсткамере.

Возможно, одного такого уродца Миха Староконь уже уколошил, и Миху это остудило. Рина Викторовна, биологичка, — запредельно жуткий человек, похлеще Коня. Поговаривали, что она заставила одного пацана выпить какой-то раствор, и он — пацан этот — забыл своё имя и вообще в школу больше не ходил. Ни в нашу, ни в какую, потому что его в зоопарк сдали.

Рина — наша классная. В целом человек она хороший. Но во всём, что касается дисциплины, — беспощадный. С Конём большинство учителей не особо хотят связываться, но к Рине это не относится. Она связывается со всеми.

Если кому реально светит зоопарк, так это Коню. Он же агрессивный, ему и так постоянно про спецшколу намекают, но до сих пор почему-то не перевели. Конь вообще неоднозначный персонаж, если присмотреться. Я не понимаю, как он к нам попал. Нас же в шестой класс гимназии из разных школ города собирали, экзамены, все дела, программа экспериментальная. Поэтому нас по-всякому психологически тестировали. Мы не дураки, конечно, заполнили всё как надо. Так что повышенная мотивация к учёбе из нас прямо-таки пёрла.

Но Миха... Трудно поверить, что никто из учителей вовремя не заметил, как из него прёт неадекват.

Я подозревал, что у Коня влиятельные родители. Во-первых, о них никто никогда не говорил. Причём все как-то быстро поняли, что прессовать на эту тему Коня бессмысленно. Во-вторых, Миха влился в образовательный процесс в середине учебного года, что для гимназии со вступительными испытаниями... Скажем так, не вполне привычно. В-третьих, именно Михе отчего-то чаще остальных напоминают о важности хорошего образования. И сам Конь, кажется, не против его получать. Иногда я вижу, как во время урока он подаётся вперёд, и смотрит, и слушает... Словно ему не про климатические пояса рассказывают, а про топовый игровой ноутбук.

Эти приступы познавательной активности, впрочем, не мешают Михе пугать собой всех подряд. Коняшка действует на опережение: малейший раздражитель — и н-на тебе, копытом в лобешник. Должно быть, у него серьёзные проблемы с самоконтролем. Как у щенка: и затормозить вовремя не может, и силу укуса рассчитывать не научился. Из смелых в нашем классе остался только Юрий Огурцов. Который сказал, что конскую придурь он из принципа терпеть

не станет. Но это Юрик, у него принципов, как у Коня силы. Остальные Миху за версту обходят.

Я ещё и потому обхожу, что уверен: Конь сложнее, чем кажется на первый взгляд. Никогда не знаешь, что он выкинет. Есть в нём что-то умное за видимой агрессией. И это умное из него время от времени вылезает как-то пугающе. Ощущение такое, что сам Миха не вполне понимает, откуда у него что в голове берётся. Вот он считается хулиганом. А Юрик, например, считается хорошим учеником. Но я заметил, что Миха, несмотря на отрицательный имидж, четверть закончил без троек. А Юрик — с тройками, хотя и старался ради матери. И ещё я заметил, что никто с конячьими странностями не борется. Потому что вокруг Коня плотным туманом стоит аховая репутация. Он её нарочно генерирует. Не хочет, чтобы кто-то совался в его жизнь. И никто не суется. Но я вижу, что Миша Староконь полон сюрпризов, о которых мы, если и узнаем, то вряд ли обрадуемся.

Я, кстати, сделался таким внимательным после того, как стал лузером. А до шестого класса я был в топе. Симпатичным я был пацаном, сам себе нравился. Чуб волной, костюм с иголочки, кроссы белые на липучках. И отличник, да. Все ученики, поступив-

шие в шестой гимназический, в своих школах были, так сказать, интеллектуальной элитой.

Из моей сильной школы многие попали в гимназию. Но больше, чем на две трети, нас разбавили разными другими умниками. И вот тут... Когда нас собрали в одну выдающуюся кучу, оказалось, что не все одинаково выдаются — среди отличников тоже есть иерархия. И не помогают без внутреннего наполнения ни чуб, ни прикид. Такой я получил жестокий урок в юном возрасте.

Вот Лидочка Рубанова из нашего бывшего класса и в гимназии почти ни в чём не просела. Маринка Дёмина, тоже наша, Лидочке не уступает. Юрик перешёл в разряд троечников, а я... ни рыба ни мясо. По важным для меня предметам я всё ещё отличник, но из-за них остальные не тяну. В общем рейтинге я попадаю аккурат в серединку. Я — посредственность.

Есть у нас такой Пётр Брынцалов. Семиклассник из совета школы. Его нам первого сентября в кураторы назначили, как будто мы без него в новом здании заблудимся. Про этого Петра я вообще не понимаю, зачем он в гимназию ходит. Собирал бы манатки и отчаливал в институт уже. На других отличных отличников я как бывший отличник не злюсь. А на Брынцалова

злюсь — не спрашивайте. Я об этом никому не рассказываю, подумают ещё, что завидую.

Я читал, что, когда вот так собираются все умные, и выясняется, что половина из них дураки, люди из разряда «дураков» уходят в депрессию. Я в депрессию не собирался, поэтому начал вырабатывать в себе созерцательно-философское отношение к жизни, как мудрый орёл на вершине скалы. Словно бы вся школьная суета — это игра в 3D, а я — в ознакомительном фрагменте: немного включён в процесс и надёжно защищён очками от суровой реальности.

Так вот, на этой неделе игра развернулась особенно интересная. И началась она с обычной драки, которой, в общем, и не случилось. Потому что два барана банку расколошматили раньше, чем успели сцелиться рогами.

Когда зазвенело стекло, Конь замер, как обезьянка, которая набедокурила. И прищурился, словно великую мысль поймал. Тут бы Юрик мог дать ему промеж глаз, уж больно подходящий момент. Но Юрик по факту никому промеж глаз дать не может, все его драки — прыжки с маханием руками. Так что он немного потряс кулаком перед конским носом и успокоился. Тем

более что Миха интерес к драке потерял и капитально ушёл в себя. То ли оправдания измысливал, то ли на самом деле струхнул.

Суд да дело, Огурец с Конём сели за парты, как культурные, и биология тихо прошла. Рина Викторовна появилась перед звонком, в подсобку ей некогда было заглядывать. А после урока её вызвали к директору, и мы по-быстрому разбежались, как тараканы. Миха отчего-то до конца учебного дня ходил на автопилоте. Я всё гадал, что его тревожит. Учитывая разрушительный потенциал Коня, разбитая банка вообще не должна была его беспокоить. А вот Огурцова, с его принципами и мамой-воспитательницей, ещё как.

Накрыло Юрика к вечеру. Врать он не умеет, так что я разумно предположил, что прямым вопросом Рина его расколлет. А мать добавит. Не подумайте, у Юрика хорошая мать. Просто она одна его воспитывает, так что на ней ответственность. Она и голос-то редко повышает. Но вздыхает так, что лучше бы орала. За банку она Юрика точно ругать не будет. А вот за то, что сразу не сознался, навздыхает.

В общем, Юрик прислал мне голосовое сообщение: «Слышь, Севка! Не спишь ещё? Слышь, не спи! Может, в школу завтра не ходить? Рина, слышь, одной девчонке

башку чем-то набрызгала, и девчонка стала лысой и тупой!»

Я вздохнул. Скорее всего, девчонка была тупой изначально. А чтобы оставить кого-то без волос, надо сначала понять, кого. Кроме Юрика и меня, звон слышал только Конь, а он будет молчать. Правда, на месте Юрика я бы и так биологии боялся, он мушку дроздофилой называет. Юрик говорит, это потому, что он сын мегаполиса. Но я знаю подлинных сынов мегаполиса — они коров только на картинке видели, а у Юрика бабушка в деревне. Химия начнётся — Огурцу точно хана придёт. Выкинут из гимназии, как птенца из гнезда. И останусь я среди придурочных Коней и заумных Брынцаловых одинокой унылой рыбьей-каплей.

«Может, не пропускать школу из-за какой-то банки?» — осторожно написал я Юрику, понимая, что выгляжу занудой.

«Не-не, я отсижусь, — пиликнул Юрик. — Прикинусь больным, а ты держи руку на пульсе».

«Ок», — дежурно маякнул я, уже засыпая.

Про часы я, конечно, не подумал, поэтому утром случилось то, что случилось.

ГЛАВА 2

КТО РАНО ВСТАЁТ, ТОМУ ЖИЗНЬ НАПОДДАЁТ

У меня телефон старый, допотопная модель, каких уже не выпускают. И в этом я сам виноват. Мой новый водостойкий смартфон неожиданно и подло оказался не водостойким. Ну и всё. Отец сказал, раз мы с Юриком такие дятлы, то могли бы головами постучаться — черепа же крепкие. Банально, в общем, но сказал он верно — череп я бы вряд ли расшиб, а с телефоном... скорее новый айфон дважды выпустят, чем моё барахло удастся заменить.

Так вот, оказалось, что в старом телефоне программка какая-то стояла для перевода часов. Помните, в мезозое время переводили, чтобы увеличить световой день? Осенью — на час назад, весной — на час вперёд. Короче, на следующий день

у всех было семь утра, а у меня в телефоне — восемь. На учёбу я добираюсь сам, гимназия рядом. Бывает, к нулевому уроку назначают прийти или мы просто пораньше стусовываемся, если кому надо домашку списать. В общем, дома никто не удивился, что я рано отчалил.

И припёрся я в школу раньше всех на целый час. Я это только на входе понял, когда охранник забубнил. Ходят, мол, всякие, прокрадываются в здание, пока нет никого. Хамят ещё. А потом звонки ломаются, эвакуации объявляются...

Я и сам был не рад. У нас, малолетних геймеров, и так хронический недосып, а тут ещё час самого сладкого утреннего сна украли. И потом, разве я хамил? С вахтёршами и охранниками я всегда молчу в тряпочку, с ними пререкаться себе дороже. Так что я втащился безмолвно на второй этаж и лёг на подоконник. Даже в телефон не хотелось тупить. Я лежал в полутемной рекреации и представлял, каким лохом буду выглядеть, когда подтянутся одноклассники.

И тут я услышал стон, а вслед за ним знакомый звук. С таким звуком наша кошка однажды на даче исторгла съеденную мышь. Я выкатил глаза, как камбала на охоте,

а потом... встал и пошёл, точно зачарованный.

Я смотрел много ужастиков и всегда думал, какие там все идиоты. Глупо лезть на чердак, если там воют. Или спускаться в подвал, если там хрипят. Или открывать окно на стук в ночи. И уж тем более — выходить на крыльцо и спрашивать: «Кто здесь?»

В общем, я знал технику безопасности, но всё равно шёл. Я уже увидел, что дверь кабинета биологии приоткрыта. Сразу я этого не заметил, потому что свет не горел! Кому ещё понадобилось заявиться в такую рань?!

Я подкрался к двери и заглянул в щёлку. В темноте что-то сипело и булькало. Не словно кого-то ели, а будто кто-то тонул и пытался позвать на помощь. Но захлёбывался.

Из лаборатории — той самой подсобки за доской — вдруг пробилась полоска света. Мягкого, чуть сиреневого, как от ультрафиолетовой лампы. Полоска становилась шире, и я догадался, что утопленник выйдет сейчас из комнаты и...

Я отскочил от двери и вжался в угол за огромной кадкой с лимонным деревом.

Я слышал, как в кабинете задели парту и уронили стул. Потом щёлкнул выключа-

тель, и в коридор вышла Рина Викторовна. Она шла очень прямо, как заведённая, и булькала горлом. И она шла... ко мне! То есть к дереву, за которым сама ухаживала и плодами которого обещала угостить нас — отличников-биологов.

Она смотрела прямо на меня, только... Похоже, не видела вообще ничего. Топала, не сворачивая, и, наверное, врезалась бы в кадку, но... Рину окликнули. Так мне, во всяком случае, показалось. Показалось, что из кабинета прошелестели: «Сестричка!» Может, кому-то было плохо и звали медсестру. Может, кто-нибудь по ошибке выпил реактив, а у Рины случился шок.

Я хотел было вылезти — нелепо прикрываться лимоном, когда каждая секунда на счету, да вот... Одеревенел, как комодский варан на холоде, и шевельнуть мог только глазами. В любом случае, Рина Викторовна вернулась. Как бы нехотя, словно её на верёвке подтягивали. Она даже попыталась ухватиться за косяк, но веревку дёрнули посильнее. Рина качнулась, неловко переступила порог и... Почему-то заперлась изнутри.

А я просидел за кадкой до начала движухи в коридоре. Больше из кабинета биологии никто не выходил. Посторонних зву-

ков не доносилось — значит, так или иначе, Рина всё уладила.

Или... Не уладила?

Когда пришла Лидочка Рубанова и толкнула дверь, та открылась. Я подождал, как положено в ужастиках, не всадят ли в Лидочку копьё, но она была живее всех живых, так что я просочился следом.

Рина сидела за учительским столом целая и невредимая. Даже слишком, я бы сказал, невредимая: успела выдуть две чашки чая, пока мы раскладывались. Правда, пила она торопливо, прихлёбывая и вытягивая губы, как лось, пытающийся ухватить кусочек сахара.

Мне стало неловко, как бывает, когда видишь взрослого уважаемого человека в неприглядном положении. Если Рине Викторшне утром было плохо, едва ли она обрадуется тому, что я стал свидетелем её недомогания. Так что я спокойно разложил тетради и решил не афишировать своё раннее появление в школе.

Пока в класс не набежала толпа, можно потрепать с учителем за жизнь или даже узнать оценки, которые ещё не оглашали. Я уже было спросил про чай с лимонами с дерева в кадучке — когда же? — но тут пискнула Лидочка.